

18+

На рѣкѣ Камѣ.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ
МОГУНОВ

ДНЕВНИКИ

Василий Николаевич Могунов

Дневники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56079048

ISBN 9785449898166

Аннотация

История жизней, прошедших через великие потрясения XX века, время революций и войн, в которое города меняли названия, а страны – границы. О счастливом сибирском детстве 20-х гг. О голоде и нищете 30-х гг. Об учёбе в лётной школе. О войне, фронтовых буднях, дружбе и любви. «Они поднимались с товарами вверх по Каме в больших лодках, называемых „могунами“. Одной из таких лодок владела семья моего прадеда. Мне кажется, что фамилия Могунов произошла от названия этой маленькой баржи – Могун».

Содержание

Вместо вступления	6
Моё рождение	8
Мой отец	10
Мой дед	14
Моя мать	17
Наш дом	21
Наше хозяйство	24
Смерть матери	27
Наши родственники	29
Чума	32
Мачеха	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дневники Василий Николаевич Могунов

*Посвящаю памяти своей любимой супруги
Клары, скончавшейся 26 февраля 1992 г.
19 августа 1992 г.*

Татьяна Васильевна Соловьёва *Редактор*

Сергей Александрович Соловьёв *Дизайнер обложки*

Сергей Александрович Соловьёв *Корректор*

© Василий Николаевич Могунов, 2020

© Сергей Александрович Соловьёв, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-9816-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клара Васильевна Могунова (Пятакова). Фото 1950-х гг.

Вместо вступления

Вспоминая детские годы, в памяти встаёт моё страстное желание – поскорее стать взрослым. Как я завидовал своим старшим товарищам, которые умели делать то, что мне ещё не разрешали. Например, носить штаны без лямок и пуговиц, а с ремнём. Причём обязательно с карманами. Мне хотелось так же, как и они, носить за пазухой на подсадку голубей к «вражеским» голубятникам для увода их красавцев в свои стаи. Правда, мы никогда не имели свои голубятни для увода их красавцев. Однако наши знакомые соседи имели их, и разрешали нам, и использовали нас в качестве своих бескорыстных помощников. Прошли годы, и я уже считаю не медленно текущее время, когда буду взрослеть, а оставшиеся годы жизни, отпущенные мне природой.

Коротка человеческая жизнь. Один миг. Давно ли было то время, когда мы строили планы на будущее, имели цель и стремились к ней? А что сейчас? Жизнь – воспоминание прошлого, ушедшего от нас навсегда. Вот и моя любимая жена ушла в вечность, а скоро последует и моя очередь. Делая эти записки, я не имею цель увековечить своё имя, а цель лишь одна: рассказать моим дочерям и внукам о моей жизни, о жизни Клары. Быть может, это принесёт им какую-то пользу. Я думаю, что мои записки подтолкнут Татьяну и Ольгу продолжить это, дать эту эстафету своим детям и внукам.

Итак, в путь... в прошлое.

Это я — Василий Николаевич Могунов в отрочестве. Фото конца 1930-х гг.

Моё рождение

Родился я 17 февраля 1921 г. в православной семье и был крещён в православной церкви, дед же мой по линии отца был старовером – Константин.

Покровский собор (1803 г.) в городе Петропавловске. На втором плане справа — Церковь Петра и Павла (1766 г.)

Точно не знаю, в какой местности я был рождён: или в селе, или в городе Петропавловске, ныне Северо-Казахстанская область Казахской ССР. Наверное, всё же в селе. В это время отец работал в небольшой деревушке – Олышанке – в качестве председателя совхоза «Муравейник», который быстро распался, и отец с семьёй переехал в город, где приобрёл небольшой дом на улице Крайней, дом №10. Дальше за этой улицей была ковыльная бескрайняя степь. Когда я подрос, то очень любил смотреть на эту степь, где ковыль под ветром перекатывался, как волна. Особенно поздними вечерами при полной луне.

Петропавловскъ. Соборъ въ подгорной части.

Мой отец

О своём отце мне мало что известно. Сам он нам ничего не рассказывал. Его небольшой архив сгорел при пожаре, в войну 1941—1945 гг. Однако кое-какие сведения всё же сохранились в моей памяти.

Это мой отец — Николай Константинович Могунов

Итак, мой отец, а ваш дедушка, Николай Константинович Могунов родился в 1893 г. в городе Вятке. Умер в 1938 г. в городе Тюмени, будучи в командировке, там и похоронен. Ему было неполных 45 лет. Он часто вспоминал город Елабугу в Татарии, что находится почти что на реке Каме, напротив города Набережные Челны. Скорее всего, потому что он там работал и служил приказчиком у елабугинских купцов. Рассказывал, что они поднимались с товарами вверх по Каме в больших лодках, называемых «могунами». Одной из таких лодок владела семья моего прадеда. Мне кажется, что фамилия Могунов произошла от названия этой маленькой баржи – Могун.

Город Вятка. Главная улица города — Казанская

До войны была фотография брата отца – моряка. Он снят на фоне большой реки и речного порта у парохода под названием «Елабуга». Что примечательно, на ленте его бескомпромиссно чётко видна надпись «Крейсер „Аврора“». Отец давал пояснение к этой фотографии, говорил, что брат служил

на крейсере механиком. Он был в форме не рядового матроса, а в морском кителе младшего чина. Его конечная судьба была трагическая, но об этом впереди... Чем же занимался мой отец, а ваш дедушка, до революции 1917 г. Ну, прежде всего, он происходил не из зажиточных слоёв общества, а, скорее всего, из мелкого торгово-ремесленного. Всего их было пять братьев, и все они получили, по-видимому, какое-то образование. Отец изучал скобяное дело и почти большую часть жизни занимался скобяными товарами. Один брат стал военным моряком, механиком, на крейсере «Аврора». Другие братья занимались извозом на могоуне по Каме. Перевозили в отдалённые места купеческие товары.

Река Кама. Лодки, в которых купцы перевозили товары

Вятка.
Базарная улица.

№ 5 На рѣкѣ Камѣ.

Пристань у г. Елабуги.

Мой дед

Отец моего отца, мой дед Костя, занимался выделкой кожи, ну и, по-видимому, приторговывал ими. Чтобы больше не возвращаться к деду Косте, предоставляю вам несколько воспоминаний о нём. Какого он года рождения, я не знаю. Не знаю также, каким путём он оказался в Казахстане вместе с моим отцом. Так как в Петропавловске никто из пяти братьев не жил, кроме отца. По-видимому, он переехал с моим отцом в Казахстан ещё до революции 1917 г. Об этом свидетельствуют письма. Так вот: дед Костя, по рассказам родственников моей матери, прожил более ста лет и умер ровно в сто один год. Он умер, когда мне было 5—6 лет, примерно в 1926—1927 гг., его я помню смутно. Примечателен факт не только его долгожительства, но и примечательно трудолюбие его. До 80 лет он занимался выделкой кож. У них была артель, которая имела небольшую мастерскую далеко за городом, так как от кож, мокнувших в квасцах и дубильных чанах, распространялось страшное зловоние. Оставшиеся годы занимался скорняжным делом: шил шубы, тулупы, делал сбруи, в общем, всё то, что было из кожи. Он трудился до последнего дня: пас свиней, рубил хвост.

С первыми тёплыми днями весны дед перебирался в сарай, где у него был заготовлен огромный гроб из дубовых

досок и дубовый крест. Гроб стоял на козлах, и он в нём спал до глубокой осени. Прежде чем ложиться, он обливал себя колодезной водой, надевал длинную до пят холщовую рубашку и молился. До самой смерти курил по-страшному. Табак сажал себе сам – турецкий, сам же готовил его, я знал, что староверы не трубокуры, но дед курил. Помню, моя мать рассказывала, что когда он раскуривал козью ножку, вся живность во дворе разбежалась от него прочь.

Дед сохранил зубы почти до самой смерти. За год или два до кончины они стали у него болеть, и тогда его товарищ по артели, такой же старик – дед Семён, посоветовал ему полоскать рот денатуратом, что он и сделал. После того как он полечился таким образом, через несколько дней все зубы расшатались и выпали. Все до единого. И вот я очень ясно помню, как моя мама поручила мне разжёвывать для деда мясо и другую твёрдую пищу. Что я и делал до дня его смерти.

Умер он летом! Первым обнаружил это я. Мама послала меня разбудить деда, так как готов был завтрак. Я всегда будил его, и мне всегда было делать это страшно. Дед лежал всегда на спине и был похож на покойника. В то утро я, как всегда, просунул руку под одеяло и стал шевелить носок его ноги. Однако он, всегда чуткий, на этот раз не открыл глаза и не позвал меня к себе, чтобы погладить по голове. Деда торжественно похоронили.

Вид на город Петропавловск, фото с водонапорной баш-

ни, видна Большая Садовая улица (Амангельды) и Вознесенский проспект

Моя мать

Мы остались вчетвером, а через два или три года родилась моя сестра Лида. К этому времени мать уже сильно болела, и ей, наверно, не надо было вообще больше рожать. Моя мать Могунова (Кутилина) Соломония Фёдоровна родилась в 1896 г. в городе Елабуге. Умерла в 1934 г. в городе Петропавловске. Она получила образование. Была прекрасной домохозяйкой. Замечательно готовила разные кушанья. Учила этому нас с братом, так как сестра была ещё очень мала, еле ходила.

Это моя мать — Соломония Фёдоровна Могунова (Кутилина)

Дальние родственники матери носили фамилию Казаковы. Уже в 40-х годах родственница её, старая женщина, говорила мне, что мамин брат, а мой дядька, был уральским казаком, и, наверно, не он один. Об этом говорит фамилия Казаков. Этот мой дядя был репрессирован где-то в конце 20-х годов и сослан на Соловецкие острова. За что, не знаю. Но вскоре был освобождён и там заболел и умер от цинги. Об этом было получено извещение и присланы все оставшиеся от него вещи.

Город Елабуга. Здание женской гимназии

Мать была очень добрая. Любила сажать цветы. Огород у нас был большой, не менее 30—35 соток. Особенно мать

любила георгины. На просьбу соседских девушек подарить им цветы она никогда не отказывала. Ничего мы из огорода не продавали. Огородную землю обрабатывали своими силами. Сами копали, сами сажали, сами убирали. Значительную часть земли занимало картофельное поле. Затем разные овощи: огурцы, морковь, капуста, свёкла и всякое другое. И, конечно же, цветник. Из деревьев только бузина. Я очень хорошо запомнил это, потому что когда созревали ягоды, мама вытаскивала на божий свет всю медную и латунную посуду и мы с братом Аркадием чистили её бузиной до изумительной яркости. В огороде же стояли две беседки, все усыпанные хмелем, который мы по осени собирали, и мама что-то из него варила хмельное. Огород был отгорожен от двора металлической ленточной решёткой, которая в летнее время была вся обвита голубыми вьюнками. Мы звали их граммофончиками. —

Наш дом

Наш дом располагался на улице Крайней (ныне улица Маяковского), дом №10. На дворе размещались: дровяной сарай, где летом спали мы с братом, стойка для коровы и телка, свинарник, а в будущем крольчатник, курятник, собачьи конуры. Я помню только последних собак: Волкодав так его звали, и он был ростом с маленького телёнка, и Цыганка очень маленькая собачка. — — —

Дом наш был небольшой. Он состоял из одной большой комнаты 20 квадратных метров, кухни 10 квадратных метров – и холодных сеней, сложенных из брёвен. Сени состояли из двух помещений: из кладовки 5—6 квадратных метров и прихожей 10—12 квадратных метров. До покупки этого дома моим отцом здесь располагался постоянный двор. Так как он стоял на самом краю города, то был очень удобен для селян, приезжающих в город на базар. В памяти у меня сохранился оставшийся от прежних хозяев огромный шести-ведёрный самовар. Он имел приспособление для варки пельменей и яиц. — —

Отец в зимнее время, в ярмарочные дни, пускал в огород приезжих казахов. Они обычно приезжали на верблюдах, ставили одну-две юрты. Возводили гигантские колёса и качели. Казахи приезжали всем семейством и помимо торговли умели и веселиться по-своему. Ну и нам с ними тоже бы-

ло весело. За услугу привозили нам различное зерно, сено, мясо.

Ещё мне помнится, отец разрывал в углу огорода снег и обнажал небольшую яму с каменной солью, завезённую туда прежними хозяевами. От этой ямы верблюды, любители соли, не отходили, а мы тем временем их дразнили. За что нам попадало от отца и казахов. Тесное общение в детстве с казахами и татарами заставило нас в какой-то мере изучить казахско-татарский язык, и мы, пацаны, бегло изъяснялись на этом русско-казахско-татарском наречии. Мой отец, а впоследствии и старший брат, знали казахский и татарский языки в совершенстве. Я не очень. Мама, по-видимому, совсем не знала. —

Семья Могуновых в начале 1930-х гг. (Вверху) отец — Николай Константинович Могунов. (Слева) мать — Соломония Фёдоровна Могунова (Кутилина). (В центре) брат — Аркадий Николаевич Могунов. (Справа) это я — Василий Николаевич Могунов. (Внизу) сестра — Лидия Николаевна Могунова.

Наше хозяйство

Богатыми мы никогда не были, но и не терпели нужды до начала 30-х годов. 30-е годы это начало ломки сложившихся веками устоев в деревне. Начало уничтожения трудового крестьянства. Насильственная высылка так называемых «кулаков». Разорение деревни. К этому моменту умерла моя мама и наше семейное хозяйство тоже пришло в полный упадок. —

Город Петропавловск, здание НКВД

Однако чем же мы жили до 30-х годов? Я не думаю, что мы жили за счёт заработной платы отца. Я отлично помню, что отец сменил три места работы: сельхозснабженец, или экспедитор в каком-то хозяйстве, заведующий столовой в НКВД, затем заведующий снабжением в тюрьме НКВД, вернее не всей тюрьмы, а небольшого предприятия при тюрьме. И везде заработная плата была мизерная.

При жизни мамы у нас было приличное подсобное хозяйство: две коровы, пятнадцать свиней, большое количество кур, ну и огородное хозяйство. Молоко шло не только нам, но его покупали и соседи. Мясо почти круглый год было своё. Овощи свои, помидоры почему-то не выращивали. Все заготовки обычно делались осенью. Забивались свиньи, заготавливалось сало. Мать запекала окорока. Часть мяса присаливалась впрок. Две-три, а может и больше свиных туш

отец продавал не базаре, и на вырученные деньги закупалась необходимая одежда и обувь. —

У нас была такая традиция может, она вам покажется варварской: к Рождеству Христову для каждого члена семьи полагалось по искусно зажаренному поросёнку полутора-двухнедельному. —

Помню, как мать начиняла их рисом или пшёнкой, затем закатывала в ржаное тесто и ставила на противнях в русскую печь, которая занимала полкухни места. Корочки запечённого теста были очень вкусными, но не солёными, что нам было не по вкусу. Особенно мы любили, как мама пекла перепечики. Это такие шаньги, начинённые не творогом, а сочным рубленным мясом с разными приправами. Каждое воскресенье – лепёшки, оладьи. Одним словом, мать была великой мастерицей по части готовки. У неё за иконой был склад рецептов, которыми она постоянно пользовалась. Почти всё было своё. Отец где-то приобретал конопляное зерно, сдавал его на маслобойку и получал за это конопляное масло.

Смерть матери

Но вот где-то в 1929 г. болезнь, точившая мать, стала обостряться. К её внутренним недугам сильно заболели ноги. Ей специально были изготовлены ножные ванны выше колен, и она по нескольку раз в день парила ноги в горячей воде. Конечно же, настроение у неё упало. Она почувствовала, что уже не может физически принимать активное участие в жизни. Стала молчаливой, угрюмой. Когда её отпускали болезни, в доме наступал праздник, но он проходил быстро. Стоило ей почувствовать себя получше, как она начинала восстанавливать хозяйство: мыть, скоблить, стирать и так далее, а затем вновь ложилась в постель.

Наконец, наступил момент, когда врачи посоветовали ей поехать вначале в Томск, а затем в Омск. Туда её отвозил отец неоднократно, где она месяц-два находилась на излечении. Наконец, она окончательно слегла в 1932 г. и больше уже не вставала до самой смерти. Умерла она от рака матки. К этому времени мне шёл 13-й год. Мать сильно страдала. Особенно последний год. Зимой 1933 и в начале 1934 гг. вставать уже не могла и самостоятельно сидеть тоже. Поднималась, взявшись за специальное приспособление, прикреплённое к потолку. Нам было страшно оставаться наедине с ней. Она просила дать ей нож или стекло, хотела покончить с собой. Плакала, умоляла, предлагала деньги кошелёк у неё

почему-то был под подушкой. Ухаживала за ней добрая старушка соседка. А другая соседка, баба Шура, постоянно держала у себя сестрѐнку Лиду. —

Помню: я собирался уходить в школу, когда услышал, что мать позвала меня. Я подошёл к ней, и она слегка потрепала меня за волосы, чего не делала уже давно. Я очень обрадовался, увидя её оживлённое, улыбающееся лицо. Старушка сказала, что мама моя молодая сегодня. Сама поднялась и села в кровати. Попросилась искупаться. Впечатление было такое, что дело пошло на поправку. В моей душе появилась надежда, и, повеселевший, я отправился в школу. А по возвращении домой по дороге мне сказали, что моя мать умерла. Кончилось более или менее благополучное детство, и наступила полоса мытарств.

Ковыльная степь в Северном Казахстане

Наши родственники

Прежде чем продолжить повествование о моей дальнейшей жизни, мне хочется подвести черту о моих родственниках. О деде Константине я уже писал. У отца было пять братьев. Мне же известно только об одном – Сергее, механике с крейсера «Аврора». Он был холост. Красивый и сильный моряк. Отец рассказывал, что у него была знакомая девушка, на которой он думал жениться, но она изменила ему. В отместку Сергей приволок с берега Камы якорь от баржи и повесил его на ворота своей несостоявшейся невесты. Пришлось десятку соседей снимать его с ворот. Об остальных братьях мне ничего не известно. Отец говорил, что они живут в городе Перми. Вероятно, что сейчас Могуновы обитают примерно в двух-трёх местах: в городе Петропавловске, в городе Перми, в городе Вятке.

Да, я не дописал о Сергее, о его трагической судьбе. Он погиб, год смерти неизвестен. Его нашли, предположительно, в городе Елабуге заколотым австрийским штыком. В заключение хочу сказать, что отец переписки со своими родственниками не вёл. Это также для меня было и осталось непонятным.

Теперь ещё об отце. Он был призван в царскую армию и направлен служить в 54-й полк 14-й Сибирской стрелковой дивизии, где попал в конный отряд и был направлен на учёбу

военным ветеринаром.

Георгиевское знамя Сибирского стрелкового полка

В составе Сибирской стрелковой дивизии царской армии, мой отец воевал в Первой мировой войне.

Николай Константинович Могунов в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг.

В годы революции служил в Красной Армии, откуда был послан на борьбу с чумой в Азию. Болели не только люди, но и животные, в частности лошади. Боролся с чумой в аулах Барабинской степи и в Семиречье. Этот период он запомнил навсегда и, подвыпивши, любил рассказывать всякие истории. Кое-какие я помню и ниже опишу коротко.

Чума

Степи Барабии неоглядные, но заселены незначительно. Отдельные аулы или просто юрты отстояли друг от друга на многие километры. Жизнь строилась на патриархальных началах. В мирное время по степи бродили табуны лошадей и неисчислимые отары овец. Но сейчас, когда в России шла война, когда сотни тысяч лошадей были забраны на фронт, а овцы поедены, голод охватил не так уж многочисленное население Барабинских степей.

Да тут же свалилась страшная беда: чума косила тысячи людей и лошадей. По степи сновали не только свирепые волки, но и одичавшие собаки, а население подвергалось ограблению разбойниками, которые собирались в вооружённые банды и слонялись по всем дорогам, не боясь чумы.

И вот в этот мрачный период в жизни народов нашей, в то время ещё великой России направили моего отца оказывать посильную помощь погибающим людям. Выделенный участок был огромный. Технических средств передвижения не было и в помине. Ему дали полудохлую лошадь, разломанные сани, винтовку и кое-какие медикаменты. Приведя своё хозяйство в относительный порядок, отец отправился в путь. В большинстве аулов на его участке людей не было. Часть из них, бросив всё, бежали от смерти, а те, кто не смог, лежали мёртвыми в своих юртах или просто на улицах,

изгрызенные волками и собаками. Лошадей и овец также не было. Очень было страшно ночевать в пустой юрте у скудного очага и слушать волчий вой и яростный лай собак. В посёлках оставалось в живых по 2—5 человек.

Чума стала отступать перед морозами. Оставшиеся в живых люди собирались в одну юрту и бедовали вместе, а пищей им служили лошади, подошедшие от чумы. Отец знал, что лошадиная чума не передаётся людям, и тоже питался этим мясом. Делал это он так: вырубал от павшей лошади мягкие части, конечно мёрзлые, долго отваривал куски, затем сушил в печке и молот в ступке. Полученную мелко измельчённую массу, пемикан, засыпал в мешочки и брал с собой в дорогу. Когда ему хотелось есть, то он кипятил воду или снег, засыпал одну-две горсти пемикана, солил и пил бульон. Казахи же варили кусками и ели.

Конечно, отец не мог оказывать эффективную помощь людям своего участка. Но добросовестно делал всё, что мог. Я уже писал, что чума шла на убыль и его задачей была ликвидация последствий чумы, то есть захоронение трупов людей и лошадей, дезинфекция юрт. В его обязанности входили также добыча кое-какой пищи для оставшихся в живых, поиски одичавших животных, лечение разных болезней: язвы на руках и ногах и на теле, трахомные глаза. Он заставлял кипятить одежду, так как на ней было полно вшей. Стриг и брил головы. Эта зима осталась в его памяти кошмаром на всю жизнь.

Однажды отец возвращался на свою базу, кажется, в Акмолинск. Его нагнали верховые казахи, вооружённые винтовками. Остановили и приказали вылезти из саней, затем отобрали оружие. Один из бандитов, обшаривая сани, достал ящик с медикаментами. Доставая из ящика флаконы, он открывал их и подносил к носу, обнюхивая. Наконец, он добрался до флакона с притёртой пробкой и с надписью «Яд стрихнин». Тут отец не выдержал и закричал по-казахски, что если тот понюхает, то тотчас умрёт. Бандит поставил флакон на место и спросил: понимает ли отец по-казахски и говорит ли на этом языке. Отец ответил ему: «Мен қазақша сөйлеймін», что значит: «Я по-казахски говорю». В разговор вмешался главарь шайки. Он спросил отца, кто он такой и что делает в степи. Узнав, что он лекарь и помогает его землякам оправиться от чумы и других болезней, а также лечит лошадей, вожак сказал, что он слышал об этом, и добавил, что народ хвалит его за его доброту и заботу. Затем спросил, почему у отца такая плохая лошадь, и приказал одному из бандитов отдать свою лошадь, а его взять себе. Затем ему бросили в сани мешок овса, отдали винтовку, и предводитель сказал, что пусть, мол, он и дальше ездит и помогает лечиться людям в аулах и что его никто и никогда не тронет. И банда уехала. —

К весне чумная волна прошла. Появились более подготовленные медики, люди стали возвращаться в свои родные стойбища. Отца отозвали и разрешили ехать домой. Это бы-

ло, наверно, в период 19—20 годов.

Город Акмолинск. Впоследствии — Целиноград. Акмола, Астана, а ныне Нур-Султан, столица Казахстана.

Фото 1920-х гг.

Мачеха

Мой брат, Аркадий Николаевич Могунов, родился в 1919 г. в городе Петропавловске. Умер в 1972 г. Моя сестра, Лидия Николаевна Могунова, родилась в 1926 г. в городе Петропавловске. Умерла в 1980 г.

Мы жили тогда одни, под присмотром молодой женщины, которую мы звали «тётя Аксинья». Она была родом из ближайшей деревни, казачьей и очень богатой – Архангельское. Она родила от отца сына, судьба которого мне не известна.

Через два-три года после смерти мамы отец женился на знакомой нашей семьи, Александре Михайловне Лахтиной. Она была из семьи потомственных кузнецов, известных своим искусством ручной художественнойковки. У неё тоже был сын от отца Николай, который умер в возрасте двух лет от простуды. Александра Михайловна была запойной алкоголичкой. Мой отец не был пьющим. На почве пьянства мачехи в доме были постоянные ссоры. Особенно пьянство мачехи усилилось после смерти отца. —

До женитьбы на Александре Михайловне отец имел неосторожность жениться на молодой женщине тёте Вале, мы так её звали. Эта тётя Валя была настоящей потаскушкой, но отец этого, видимо, не знал. Так или иначе, он однажды привёл её в дом, познакомил нас и сказал: «Это будет ваша мама, любите её и слушайтесь». Но, слава богу,

она пробыла у нас недолго, примерно полгода, с ранней весны до ранней осени. Где-то в начале сентября 1935 г. тётя Валя была изгнана из нашей семьи. Этому предшествовал драма-трагический факт. А дело было так: отец, занимаясь железоскобяными товарами, довольно часто был в командировках, и мы в это время были совершенно одни. Тётя Валя уходила к матери, которая жила недалеко от нас, занималась пьянкой и вела разгульную жизнь с мужиками. Об этом нас подробно проинформировали приятели, да мы и сами следили за ней. Однажды она заявила к нам домой вместе со своей матерью. Заставили нас подрить картофель и нажарили большую сковороду. Лида, сестра, жила у старушки-няни. Дали картофеля и нам, но мы почувствовали, что он с сахаром. Брат, а вслед и я возмутились этим: «Как это так? Картофель с сахаром!» Мы отодвинули от себя миски и попытались выскочить из комнаты, но нас схватили и затолкали в подпол, в подвал. Конечно, мы всячески их ругали и кричали. Тогда они надвинули на люк сундук, поели и ушли, закрыв дверь и оставив нас в подполе. Однако мы сумели выбраться из него и ушли к нашим знакомым Кучумовым (Кучумова – моя крёстная мать) и всё им рассказали. Заночевали у них, и через два дня должен был приехать отец. Но на другой же день у нас случилась беда.

С самого утра ватага наших ребят отправилась в небольшой сквер, где были установлены так называемые гигантские шаги это что-то вроде каруселей. Они устраивались

так: брался столб 5—6 метров и на одном конце закреплялось обыкновенное колесо. К спицам прикреплялись 3—4 верёвки. Другой конец крепко вкапывался в землю. Желающие покружиться на такой карусели брались за концы верёвок и по команде начинали разбег, а затем поднимали ноги и по инерции кружились вокруг столба. Это можно было делать и одному человеку, совершая как бы гигантские шаги. Забава была интересная, и всегда мальчишки крутились возле этого колеса. В то утро почти одновременно с нами в сквер заявила другая ватага ребят с так называемой «дедовской заимки». А мы жили в «татарском крае». Началась ссора, а затем драка. Так как на нашей стороне было значительно меньше ребят, «дедовские» выгнали нас из сквера и продолжали гнать по улице. Наш дом находился рядом со сквером, и мы с братом забежали во двор и закрыли ворота на прочный запор. Заборы же были высокие и гладкие. Преследователи подбежали к забору и принялись колотить по нему и по ставням закрытых окон палками и камнями. Послышался звон разбитых стёкол и угрозы поджечь дом. Заговорщики собрались под забором и совещались, что бы ещё сделать с нами. —

С другой стороны забора, со двора, были сделаны прочно полки, на которых наша мама сушила посуду: кринки, вёдра, банки и другие предметы. Брат и я, взяв в руки по одному большому булыжнику, 3—5 килограммов, поднялись по полкам повыше к верхнему краю забора и сбросили

эти булыжники на головы наших неприятелей. За забором поднялся страшный крик, звон разбиваемых окон, слышались угрозы. Мы стали кричать, чтобы они разошлись и прекратили безобразничать. И если они не прекратят, то мы будем стрелять. У нас было два зарегистрированных охотничьих ружья: двуствольное 12-калиберное и одноствольное 16-калиберное. Аркадий сбегал в дом и принёс двустволку. Встав на полку, он высунул ствол ружья наружу. Увидев, что угроза стрельбы может быть исполнена, ребята отбежали от забора на 15—20 метров и продолжали безобразничать: ругались матом, бросали кирпичи, делали непристойные жесты и так далее. Аркадий положил ствол на верхушку забора, прицелился и выстрелил, причём подряд из двух стволов. Патроны были заряжены крупной гусиной дробью. Раздался вопль: убили, убили... И действительно, когда дым рассеялся, мы увидели, что один из мальчишек лежал на земле. Это был наш хорошо знакомый Лёнька Ушаков, наш приятель.

А дальше события развивались так. Те приятели, которые вместе с нами забежали к нам во двор, разбежались. Мы остались вдвоём с Аркадием. На пригорке, возле электрического столба, где лежал Лёнька, собралась огромная толпа. У ворот также было много людей. Мне удивительно до сих пор, какое хладнокровие и самообладание проявил в то время мой брат. Он приказал мне принести второе ружьё и разобрать его, а затем облил оба оружия машинным маслом, завернул их в мешок, а затем, прокравшись в огород, закопал

их среди картофельных грядок. Сказал, чтобы я открыл ворота, а сам перепрыгнул через плетень и скрылся в овраге. К этому времени подъехали два верховых милиционера и зашли в дом. Раненого Лёньку уложили на носилки, поместили в чёрную карету с красным крестом и увезли. Милиционеры обыскали дом и все пристройки и, не найдя оружия, стали меня допрашивать, где оно спрятано. Я, конечно, сказал, что ничего не видел и не знаю. Конные уехали, но пришли двое пеших милиционеров и остались до конца дня, до полуночи. Всё это время допрашивали меня... что и как. Я рассказал всё, как было, кроме оружия. Затем они стали меня бить по лицу, спине и голове и таскать меня за волосы. Я громко плакал и орал. А в это время в сени вошёл Аркадий и подал им мешок с ружьями. Милиционеры связали ему руки и увезли с собой. Я остался один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.